
С. Г. ПИЛЕЦКИЙ

О МЕСТИ, ЧЕСТИ И БЕСЧЕСТИИ

Статья посвящена исследованию извечной проблемы – мести и значению мести и возмездия в человеческой истории. Автор пытается доказать, что не только эти понятия взаимосвязаны, не только развитие человеческого общества шло по пути упорядочивания, институционализации и эволюции кровной мести в цивилизованное возмездие, но что эта эволюция предстает как эволюция бесчестия.

Ключевые слова: месть, возмездие, человеческое общество, социальная эволюция, безнаказанность, бесчестие.

Мечь оболгана. Редко, пожалуй, встретишь такую тему, где бы таилось столько искренне наивных иллюзий, культивируемого обмана и предумышленной неправды. Неправды давней, хорошо завуалированной, заботливо вскармливаемой «химерами», опекунски взлелеянной и конспиративно внедряемой. Непраздный вопрос: а откуда это, собственно, взялось, что мстить – нехорошо, неприлично, недопустимо, нецивилизованно? Словом, категорически противопоказано. Сколько в этом правды – мы еще в дальнейшем постараемся разобраться, а пока именно так: откуда это все же взялось? Из Ветхого Завета это взяться никак не могло: там как раз наоборот, не просто указывается, а с высочайшего престола приказывается быть мстительным. Императивная максима «око за око, зуб за зуб, руку за руку, душу за душу» – сентенция, согласитесь, труднозабываемая. И что характерно: Иегова нещадно и показательно карал свой избранный народ именно за недолжное, то бишь недостаточно точное и безукоснительное, исполнение сего завета. Так что по Божьим законам, исходя из ветхозаветных установлений, гораздо лучше в этом деле переусердствовать, нежели недоусердствовать. Ветхий Завет – это, без всякого преувеличения, энциклопедия жесточайшего мщения. Кто сомневается – отсылаю к первоисточнику.

Философия и общество, № 2 2014 92–106

Из конфуцианского «золотого правила поведения», согласно которому с другими надлежит поступать так же, как ты бы хотел, чтобы поступали с тобой, это тоже взяться не могло. По преданию, однажды ученики спросили Конфуция: «Учитель, как одним словом выразить главнейшую нравственную заповедь, которой нужно было бы руководствоваться в жизни?» И Учитель ответил им: «Взаимность». Это не что иное, как классически-расхожее «ты – мне, я – тебе»: как ты со мной, так и я с тобой. Тогда, согласитесь, это мало чем отличается от ветхозаветного «око за око, зуб за зуб» – все тот же принцип возмездия как краеугольный камень человеческого общежития, предзадающий возможность человеческой цивилизации. Попытка перевода сей максимы из позитивного предписания в свой отрицательный аналог и придание ей формы запрета: «Не поступай с другими так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой» – мало что меняет и мало что дает. Очевидно же, что из него невозможно почерпнуть ответ на судьбоносный, испокон веку мучающий человечество вопрос: а как, собственно, поступать с теми, кто поступает так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой? Ведь в этом же вся соль! Но судя по тому, как развивалась китайская цивилизация, кои традиции так высоко сам чтит и завещал потомкам трепетно соблюдать Конфуций, речь можно вести исключительно о принципе воздаяния и возмездия.

Но уже в Новом Завете Иисус в Нагорной проповеди призывает его почитающих: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гоняющих вас». Но именно в этом содержится первая для одних иллюзия, а для других – обман. Она в том, что будто бы новозаветная мораль низвергает и отменяет ветхозаветные императивы возмездия, а на их место возводит принципы сострадания, милосердия и всепрощения. В «Послании к римлянам» (19:12) Святого Апостола Павла (в самом названии уже странность: адресована вроде бы римлянам, а пишется все по преимуществу о евреях) мы читаем: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: “Мне отмщение, Я воздам”, говорит Господь». Как очевидно, речь в нем идет о мести, императивно о мести, и относительно именно него, на взгляд автора данной статьи, произошла интерпретационная сбивка, могущая вылиться и *de facto* вылившаяся в ту самую великую иллюзию, что якобы

Новый Завет, христианство, отменяет ветхозаветную «мстительную» мораль. Новый Завет мщения не отменяет как акта возмездия, а лишь по-своему упорядочивает и иерархизирует его. Он как бы говорит устами Христа исповедующим, Ему внемлющим: «Одумайтесь, посмотрите вы на себя, какие из вас судьи и мстители, разве у вас получится как подобает? Не волнуйтесь и не ропщите, передоверьте сие святое действо Арбитру Высшему, который совершит его, не в пример суду вашему, максимально точно, квалифицированно, профессионально и сурово». Так в детском саду воспитатель во избежание бузы и потасовок просит обиженных не производить «самосуд», а обращаться напрямую к ней, и она уже, разобравшись, если сочтет нужным, сама накажет обидчика. Спрашивается, разве сей элементарный порядок отменяет сам принцип наказания? Нет, просто умно, рационально, иерархически организует. Стоит оговориться, что и этот-то «элементарный» порядок никогда не был устроен: люди как до Христа судили и карали людей, так и после Его распятия немало в этом преуспели. Да и потом, для особенных тугодумов и всевозможных «Фом неверующих» как будто специально заготовлена последняя, завершающая новозаветная каноническая книга, предваряющая собой Псалтырь, – «Откровение Святого Иоанна Богослова», известная как Апокалипсис. Если уж и она не убедит, так сказать, не введет в рассудок, то уж ничего не поделаешь – терапия тут, видимо, бессильна. А вообще, надо сказать, это «Откровение» – всем откровениям откровение! Это просто гимн, ода, триумф, «фанфары и фейерверк» Божественного мщения.

Вторая для одних иллюзия, а для других обман содержится в том, что вроде бы совершенно ясно, что месть и возмездие – понятия не только взаимообусловленные и переплетающиеся, не только этимологически родственные, не только однокоренные, но и смыслово однопорядковые. С некоторых, но известных, пор месть и ее производные стали воспринимать почти исключительно негативно и порицательно, в то время как акты возмездия – практически целиком как проявления высшего блага и справедливости. Отчего-то принято акт мести редуцировать и воспринимать исключительно в индивидуально-личностном плане, в то время как акт возмездия практически целиком сводят и связывают с социально-правовым санкционированием. Вот и получается, что месть – это

то, что осуждается и даже преследуется, то, что якобы является реликтом бесчеловечности и варварства, а возмездие – то, что достойно всяческого одобрения, почитания и приветствия, то, что не только не противоречит, а даже и способствует общественному прогрессу. Отчего-то вдруг муссируется тезис, будто чувство мести даже опасно для индивида, его испытывающего: оно-де отравляет и «выжигает» душу, иссушает эмоциональные и жизненные силы, и даже его осуществление будто бы не приносит удовлетворения и успокоения, а лишь внутреннее опустошение.

Все это сущий миф. И даже не миф, а совокупность мифов, тщательно сплетенных в одну общую мифологию. Что это не то чтобы не совсем так, а даже, скорее, совсем не так, автор данной статьи совершенно убежден. Во-первых, эти понятия не просто этимологически родственные, однокоренные, смыслово однопорядковые, но и вовсе неразлучные, неразделимые. В связи с этим я полагаю, что их семантическое сочетание должно представлять именно следующим образом: месть – чувство, мщение – процесс, возмездие – результат. А посему их отчуждение друг от друга, и, хуже того, противопоставление столь же нелогичны, контрпродуктивны и даже бессмысленны в той мере, в какой процесс почему-то противопоставляют результату. Нам же не приходится в голову, исходя из неизвестно каких соображений, противопоставлять и даже антагонизировать, скажем, чувство испытываемого голода, процесс поглощения пищи и насыщение как его результат! А ведь с мстью и возмездием, как ни странно, происходит приблизительно схожее.

Во-вторых, субъектом мести может быть отнюдь не только «отвязная» личность или буйная семья, но и социальная группа, общественный класс, да и все общество – целый народ или нация, – сплоченное против ненавистного врага, мстящее ему за кровавую обиду, поруганную честь, попранные святыни, за разрушенные города, за невинно убиенных, за слезы матерей. Примеров более чем достаточно. Можно вспомнить не только мотив, но и слова еще не успевшего забыться «набата»: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна. Идет война народная, священная война». Более того, если слегка пофантазировать, субъектом мести может быть, в принципе, и все человечество в порыве единения против общего супостата в ответ, допустим, на нашествие или атаку какой-то вне-

земной цивилизации. Равно, собственно, как и объектом мести симметрично этому может быть отдельная личность, семья, социальная группа, общественный класс, целый народ или нация и даже враждебные инопланетные пришельцы. Разве не так? По-моему, именно так.

И в-третьих, не скажу, что абсурдна, но неверна мысль, будто бы месть, как ржа, разъедает душу, отравляет тело, «безумит» мозг и опрокидывает в аморализм. У меня на этот счет серьезные подозрения, что подобные токсичные проявления, психо-эмоциональная выхолощенность, душевный надрыв и расстройство сознания вплоть до безумия в значительно большей степени и с гораздо большей вероятностью угрожают не тому или тем, кто осуществил взалканную справедливую месть, а как раз тому или тем, кто это святое действие по каким-то причинам сделать не смог. Вот тогда действительно – жизнь «под откос». Труса, конечно же, приветит и успокоит психоаналитик, а как быть смелому, смерти не страшящемуся? Увлечься огородом или филателией и пить фруктовый кефир? Приторно и позорно. Со стыда сгореть можно. «Кровавые мальчики» сниться не будут, будет еще хуже – вообще не уснешь, как ни борись с бессонницей чтением психоанализа.

Третья для одних иллюзия, а для других обман в том, что будто бы институт кровной мести доводит взаимное кровопролитие до абсурда, до обесмысливания, делает бесконечным, без точки возврата, обрекая человеческие популяции на неминуемое и незаслуженное самоистребление. Никто не призывает сейчас реанимировать сию практику, но неверен сам тезис. Не нужно считать человечество глупее, чем оно есть на самом деле. История буддизма исчисляется 2,5 тысячами лет, христианства – 2 тысячами. Тем паче, что то, как обстояло дело с местью в истории практического христианства, забыться не успело. Это неправда, что кровная месть ведет к истощению, уничтожению человеческих популяций. Напротив, она – древнейший, мощнейший сдерживающий фактор убийства себе подобного. Это сущий миф, что стоит одному члену клана убить представителя другого, как это автоматически ведет к развязыванию войны на истребление. Ничего подобного. Сначала соберутся старейшины обоих родов и обсудят, как все случилось, кто виноват и насколько. Если обнаружат, что это был не честный поединок, а деяние, порочащее честь рода, то не то что никакой

войны не будет, а и самого нечестивца, если не успеет сбежать, выдадут пострадавшему клану. Если же сбежит, то священным долгом получившего ущерб клана будет разыскать и покарать убийцу. Причем родной клан защищать беглеца не будет. За институтом кровной мести – мудрость рода человеческого. Подумайте, насколько больше убийств, воровства и вообще всяких подлых, позорных поступков на душу населения в цивилизованных странах, нежели в тех регионах, где кровная месть распространена.

Сейчас много говорят о терроризме, его международной организации и финансировании, его интернациональных «миазмах» и «метастазах», «зашоренном» фанатизме его адептов, его бесчеловечности и звериной сущности. И, в общем, это действительно так. Мы все, к сожалению, этому не только свидетели, но и сотоварищи по несчастью. Но при этом я хотел бы предостеречь от nepозволительного упрощения. Чаще всего почему-то рассуждения о терроризме и террористах закливаются на организационных вопросах, технических деталях и следствиях. А глубинные причины всего этого коренятся в нашей природе, в наших врожденных эмоционально-мотивационных импульсах. Месть – это особый вид агрессии, это агрессия в ответ на агрессию. Ее не надо путать с реактивным действием, она более имплицитна и структурирована, поскольку тревожит пласты наших убеждений, проникает в самую сердцевину нашего нравственного сознания и освящается ею. Это для нас они террористы, то есть отъявленные негодяи, мерзавцы и подонки, не заслуживающие права называться людьми. А для них самих, их сподвижников и чаще всего их родственников они – герои, мученики, народные мстители, жаждущие справедливого возмездия и кладущие на алтарь святого дела самое дорогое, что у них есть, – их жизни. Вы мне с гневом заметите, что не только свои, но и десятки, сотни, а то и тысячи других, ни в чем не повинных жизней. И будете правы. Пусть бы они готовили, планировали и наказывали обидчиков. Причем тут без вины виноватые?

Я хочу, чтобы меня правильно поняли: я вовсе не собираюсь «обелять» и реабилитировать терроризм. Я лишь хочу, чтобы вы задумались над тем, была бы для вас принципиальной разница в том, при помощи каких технических средств был взорван дом (упаси Господь, конечно), в котором проживали, скажем, ваши родственники, старики, женщины и дети? Вот представьте: спящий

город, спальный район, взлетает на воздух жилой многоквартирный дом. Разве существенно то, при помощи чего он был взорван: от подложенного фугаса, от спрятанного в подвале мешка с гексогеном или от крылатой ракеты, выпущенной с авианосца, от авиабомбы или крупнокалиберного снаряда? Важно то, что они были ни в чем не повинны, а теперь их не стало. Разве испытываемое при этом чувство праведного негодования, алкание отмщения и справедливости возмездия аморальны? Получается так, что главная проблема в том, что им (потенциальным террористам) предлагают утешиться и довольствоваться «нимбом» идеи непротивления злу насилием, а они упорствуют, жаждут торжества Немезиды и продолжают руководствоваться принципом «око за око, зуб за зуб». Аргумент, что, мол, тот, кто «пулял» ракетой, бомбой или снарядом, не желал гибели ваших родственников, стариков, женщин и детей, – аргумент несерьезный, аргумент для детей младшего школьного возраста. Кроме как издевательством не назовешь попытки сравнения его с неумышленным убийством типа дорожно-транспортного происшествия. Террорист тоже не хотел убивать именно ваших родственников, именно этих стариков, женщин и детей.

Четвертая для одних иллюзия, а для других обман в том, что будто бы христианской церкви можно доверить роль безусловного арбитра в деле порицания и осуждения мести. Репутация тогда должна быть безупречной. Рефреном звучащий вопиющий глас «а судьи кто?» подходит здесь как нельзя лучше. А на поверку обнаруживается, что наместница слов и дел Спасителя на сей грешной земле – христианская церковь – как раз не дает никаких оснований для сомнений и иллюзий на данный счет. За неполные две тысячи лет порублено голов, вспорото животов, понаделано дыб, понастроено виселиц, позапалено костров – «мама, не горюй!» Та самая «благовозвещающая» любовь к ближнему оформилась, осела и предстала в образе судов инквизиции, «охоты на ведьм», разного рода колдунов, ведунов, целителей и знахарей, неумолимым и беспощадным выжиганием «скверны» язычества, ереси и атеизма, непримиримой борьбы со всякого толка сектантством и вольнодумством, организацией множества «разнокалиберных» крестовых походов и походов. Земля русская, кстати говоря, среди тех, что хранят память о таковых. В результате одного из них крестонесущим

латинянам пришлось приноравливаться и осваивать на Чудском озере традиционную русскую забаву – «моржевание».

Получается так, что иноверцы – враги, атеисты – враги, еретики – враги, сектанты – враги, отступники – враги, сомневающиеся – неприятели, а жизнь-то одна и небо одно – на свое и чужое не делится. Хороша любовь к ближнему, после которой закапывают или кремируют! Может быть, было бы лучше для всех, будь такой любви чуть поменьше, а ровного взгляда, уважения и терпимости чуть побольше? Да и вообще: а была ли любовь любовью? А то ведь бывает и такая любовь: я так человечество люблю, что за него кого хочешь прибью. Но если вся история христианства не просто свидетельствует, не просто доказывает, но и убеждает в том, что месть и возмездие верховны, если сама церковная иерархия за эти почти две тысячи лет практически только тем и занималась, что демонстрировала искреннюю приверженность этому, то спрашивается: а чего же тогда требовать от паствы? Церковь любит не всякого ближнего, а лишь тех очень немногих из общего числа человечества, кто в данное время является ее единомышленником. (Здесь надо бы добавить: а кто помнит, сколько раз за ее историю церковь подвергала ревизии свои собственные каноны и догмы, и то, что до недавнего времени признавалось ересью, оборачивалось истинною верою и наоборот?) И этим немногим избранным надо соответствующим образом строить свои взаимоотношения как с «матушкой-церковью», так и с остальным миром.

«Пасха» в переводе с греческого означает «избавление». Так давайте будем «пасхальны» от иллюзии и восторженной «зашоренности». «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» – это, спору нет, лирично, поэтично, но непрактично, с реальностью согласуется с трудом. С обманом надо бороться, истину – искать, найти и не сдаваться. Насущная необходимость возмездия и ее незаменимая роль в жизни людской – одна из таких, может быть, и «низких», но, без сомнения, стойких, вечных истин. Если уж что и следует наметить возвышенного, так это следующее: сделать для нравственного измерения то же, что Лейбниц для математики – бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла. Но при этом не будем забывать, что возмездие входит в этот «вселенский дифференциал» как его структурная имманентная составляющая.

Пятая для одних иллюзия, а для других обман в том, что будто бы императив милосердия и всепрощения выше по своему нравственному статусу императива возмездия, а посему за ним будущее человечества. За ним не будущее, а прошлое, да и то не всего, а лишь только небольшой части человечества. Спрашивается, а жило ли когда-либо оно (человечество) в соответствии с ним сколь-нибудь массовым порядком? Если не брать в расчет житие-бытие «толстовских» коммун в разных уголках мира, то да, жило, но по историческим меркам очень недолго – где-то около трех столетий. Я имею в виду стоическое существование ранних христианских общин от распятия Христова до Никейского собора 325 года. В данном случае «из молодых, да ранних» звучит исключительно похвальным образом. Первые христиане искренне, до самоотречения верили, что в страдании за веру – путь к спасению. В преследованиях, гонениях, истязаниях, сверх достатка выпавших на их долю, они видели свой «венец терновый», принимали их не только безропотно, но и самозабвенно, с надрывом, а муки, да и самую смерть воспринимали как счастье уподобиться Ему, как путь, указанный Им. Кстати, это превосходно описано в великолепном романе Генрика Сенкевича «Камо грядеши». Но это быстро прошло. Стоило христианской церкви перестать быть «катакомбной» и стать господствующей, как она тут же превратилась из преследуемой в преследующую, из гонимой в гонящую, из мучимой в мучающую, из караемой в карающую. Вот они, метаморфозы роста.

Христианская церковь поняла, что романтика романтикой, а строить жизнь как-то надо, да и не просто «как-то», а с полной ответственностью за паству. А вот Лев Николаевич Толстой не понял. Его теория «непротивления злу насилием» – это социальный романтизм, идеализм, но идеализм, на мой взгляд, весьма небезопасный. Бывают, конечно, такие тонкие и воздушные натуры, что даже тени не отбрасывают, но вот именно таких романтиков злые реалисты «порешат» в самую первую очередь. Уж тогда лучше «донкихотство», пусть себе иронизируют, что, мол, он подвигов не совершил, но погиб, идя на подвиг. Уж лучше искренне с ветряными мельницами сражаться, чем искренне обреченно идти на заклание с понурой головой.

В этой связи мне вспоминается один (прямо-таки дидактический) диалог в романе еще одного Толстого, правда, уже Алексея Константиновича, – «Князь Серебряный». Тут выкристаллизовываются позиции если и не оформленного «донкихотства» и «гамлетизма», то очень близкие к ним. Это разговор молодого боярина князя Никиты Романовича Серебряного с боярином Борисом Федоровичем Годуновым.

«– Видишь ли, Никита Романович, – продолжал Годунов, – хорошо стоять за правду, да один в поле не воевода. Что б ты сделал, кабы примерно сорок воров стали при тебе резать безвинного?»

– Что б сделал? А хватил бы саблю по всем по сорока и стал крошить их, доколе б душу богу не отдал.

Годунов посмотрел на него с удивлением.

– И отдал бы душу, Никита Романович, – сказал он, – на пятом, много на десятом воре; а остальные все-таки б зарезали невинного. Нет, лучше не трогать их, князь; а как станут они обдирать убитого, тогда крикнуть, что Степка-де взял более Мишки, так они и сами друг друга перережут»¹.

Что тут скажешь: разумно, толково, прагматично. Обреченного (которому, по-толстовски, и сопротивляться даже не стоит) все равно уже не спасти, так самому остаться живу для дальнейших славных дел и ряды лиходеев их же собственными руками изрядно поредить. Такие далеко идут и даже царями становятся. Все вроде бы правильно, все вроде бы резонно, но сына своего я не стал бы подобному учить и в пример ставить. Князь Никита Романович куда ближе. Но при этом ни тот, ни другой и в мыслях даже держать не могли, что перед ворами, сложив руки, надо вставать на колени. И что, мол, это хорошо.

«Непротивление злу не только потому важно, что человеку должно за себя, для достижения совершенства любви, поступать так, но еще и потому, что только одно непротивление прекращает зло, поглощая его в себе, нейтрализует его, не позволяет ему идти дальше, как оно неизбежно идет, как передача движения упругими шарами, если только нет той силы, которая погасит его. Деятельное

¹ Толстой А. К. Князь Серебряный. Стихотворения. Баллады. – М.: Просвещение, 1988. – С. 91.

христианство не в том, чтобы делать, творить христианство, а в том, чтобы поглощать зло»².

Вероятно, прозвучит слегка непочтительно, но Лев Николаевич неисправим: опять романтичен, опять идеализирует. Но ведь делаются мудреные, замысловатые выводы. Я бы сказал так: надо одуматься, опомниться, не стоит так верить сладко-вязкому, притягательному «абстрактному гуманизму». Во-первых, ни шатко, ни валко; во-вторых, непременно подведет. Если вы уж и впрямь искренний, витающий в облаках гуманист, так уж, по крайней мере, надлежит знать: поглотив зло, в лучшем случае сами станете злее, а в худшем – это будет последнее ваше поглощение. Да и потом, зло скорее поглотит вас, нежели вы его – силы несоразмерны. Не стоит тешить себя утопическими иллюзиями, лучше сразу утопиться. К сожалению, мир таков, история мира такова, да и сами мы таковы, что нет никаких оснований обольщаться сей не по-детски опасной игрой «едока со съедобным». Получается почти как по Э. Фромму: выбирай, но аккуратно – иметь или быть... Нельзя забывать, что зло имеет такую конституционную особенность, как концентрироваться, аккумулироваться, наращивать свою мощь и распространяться. Здесь не только слабость не прощают, «джентльменство» не ценят, но саму уступчивость и миролюбие воспринимают не иначе как показатель недееспособности и слабости. Хотя нет: готовый стойко переносить издевательства, мучения и самую смерть, опустивший руки перед злом миротворец, без всякого сомнения, будет взвешен, оценен и возблагодарен, но особым образом. Можно сказать, что такие злом даже и любимы (о такой любви говорят – «я вас любил, но странную любовью...»): из разряда потенциальных борцов с ним они переходят в разряд добровольно сложивших головы, из сражающихся – в сражаемых, превращаются в съестное, переламываются, перемалываются, перекручиваются, перевариваются, наращивая тем самым энергетический потенциал зла, и уже недобровольно становятся пособниками его усиления и распространения. Сам же Лев Николаевич сокрушался по поводу того, что раз плохие люди в своих делах объединяются, то отчего же и хорошим не объединиться бы, ведь хороших-то в мире больше. Вот и подумайте: если одна часть хороших, нравственных, че-

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – Т. 53. – М.: Просвещение, 1953. – С. 197.

стных людей будет обречена на неминуемую смерть и без всякой жалости и пиетета истреблена, а другая часть разобщена, дезорганизована и деморализована, так, извините за выражение, – что же в этом хорошего?! Кто одержит верх в противостоянии «беспринципной силы» и «бессильного принципа», догадаться несложно.

Кодекс непротivления злу насилieм – кодекс с «остовом», «каркасом» нестойким, шатким, с «материей» в нем тончайшей, воздушной, быть может, даже безвоздушной, невесомой. Говоря словами Ф. М. Достоевского, из «неэвклидовой геометрии». Так к ней и следует относиться: умиляться, любоваться, восхищаться, даже гордиться где-то – ишь ведь до чего дух человеческий дойти может. Прямо-таки почти недостижимая высота духовного роста! Но ни пробовать, ни повторять ни в коем случае не надо – чрезвычайно вредно для здоровья. Иногда даже несовместимо со здоровьем. Принцип этот надо воспринимать как некий исключительно умозрительный идеал и исключительно восторженную мечту. Но если и мечту, соглашусь, то непременно несбыточную, а если и идеал, то непременно тот, о котором можно погрезить кое-кому в лунную безветренную ночь, но стремиться к которому, призывать к нему, пытаться хоть как-то реализовать который в высшей степени опасно. Как только начнешь им руководствоваться, претворять в жизнь практически, да, не дай Бог, организованно и массово, он, как мифический двуликий Янус, хитро оборачивается своей противоположностью – натворишь таких бед, прольешь столько невинной крови, что никакому Навуходносору и не снилось. Игры забываются, результаты остаются. Не будем и мы в свою очередь забывать избитую «кряжистую» истину: дорога в ад вымощена благими намерениями.

Представляете, какое невероятное количество мерзких, чудовищных, леденящих душу кровавых преступлений (я даже не имею в виду малые и большие войны) за всю историю человечества совершено разными подонками и негодьями, какой невероятной ценой за них заплачено. А представляете, какое невероятное количество не менее чудовищных и кровавых преступлений не совершено исключительно из-за страха наказания, из-за страха справедливого возмездия. И хотя страх зачастую – плохой советчик, но в данном случае сыграл просто-таки неоценимую роль в спасении многих десятков, а то и сотен миллионов людей. Говорят: «Кабы моло-

дость знала, кабы старость могла...» Это же должен знать каждый – и стар, и млад. Подобное знание ведет к здоровому консерватизму, а незнание – к могиле. Кстати, это отчасти перекликается с известным изречением сэра Уинстона Черчилля: «Кто в молодости не был либералом – у того нет сердца, кто в зрелом возрасте не стал консерватором – у того нет ума».

Теперь по поводу чести и бесчестия. Платон, помнится, величал военных «честолюбцами». Это те, кто, как спартанский царь Менелай, за поруганную честь устраивает троянские войны. Это те, кто вызывает огонь на себя; это те, кто, прощаясь, говорит: «Честь имею!»; это те, с кем прощаясь, говорят: «На следующий день после бессмертия». Это такие, как не только царь Менелай, но и как лейтенант Ивановский из повести Василя Быкова «Дожить до рассвета» и лейтенант Плужников из повести Бориса Васильева «В списках не значился». Бороться с честолюбцами очень непросто: их можно либо убить, либо сподать, что, кстати говоря, хорошо уяснили себе североамериканские колонисты. И было время, когда военные действительно правили. Потом Средние века одарили мир рыцарством. Стоя на одном колене под клинок держащей десницей коронованной особы, новообращенный клялся, не щадя живота своего, биться со злом и защищать слабых и обиженных. И это было пиршеством и раздольем чести. А вот «Дон Кихот» Сервантеса Сааведры – это уже тоска и помин души об уходящей эпохе тех самых «честолюбцев» и упрямо крадущемуся «прогрессу» людей совершенно иной фактуры – без чести, без совести, для которых все «на продажу», коим звону булата куда милее звон червонцев. Для них жизненно важно было всеми правдами и неправдами опорочить, «очернить» мечь, не только вытравить ее из списка честных и праведных дел, но и перевести в разряд отягчающих вину преступлений, чтобы, по крайней мере, их не убивали сразу же на месте за очередную аферу, а тянули напрямик к суду. А там, глядишь, твое скопленное золото-серебро да нужные связи вспоможение окажут, так что еще неизвестно, как оно выйдет, как «карта ляжет». Капитализм – это строй цивилизованных жуликов и мошенников, там без подстраховки и надежного тыла никак нельзя. Вы не задумывались над тем, что пресловутый извечный грозно тлеющий конфликт «отцов и детей» зиждется, живет и согревается ничем иным, как обостренно разным представлением и толковани-

ем чести и достоинства. Не какими-нибудь частно-условными (пусть даже и сословными), идеологическими, эстетическими, эмоционально-психологическими, а тем более бытовыми пристрастиями и приоритетами, симпатиями и антипатиями, – замечу – все это почти вздор, – а именно отчетливым и крайне болезненным несовпадением понимания, что есть стыд и совесть, что есть честь и бесчестие, что дозволено, а что – нет, ни при каких обстоятельствах.

Аристократы по крови и аристократы духа всегда отличались обостренным чувством чести, даже порой вычурным, превышающим разумные меры. Но уж лучше так, чем отсутствие таковой. Честолюбцу не требуется внешних санкций для восстановления справедливости, ему не требуется чьих-то услуг по компенсации поруганной чести и попранного достоинства, он алчет сатисфакции и вполне готов разыграть в этой партии свою жизнь. Вы съязвите, что, мол, подчас из-за какой-то мелочи, из-за какого-то пустяка, «выведенного яйца» не стоящего, – и будете правы. Налицо дефицит разума, но профицит чести. А они, разум и честь, доложу я вам, «субстанции» редко совпадающие. Вы можете себе представить, чтобы Александр Сергеевич Пушкин не вызывал Дантеса на дуэль, а потащил к мировому судье? И я тоже не могу. А ведь это было бы, по нашим нынешним меркам, разумнее и цивилизованнее. И преждевременной смерти не было бы. Но я так скажу: уж лучше преждевременная смерть, чем такой разумный позор. Не о смерти надо думать, а о бессмертии. Недаром эпитафией к его «Капитанской дочке» было: «Береги честь смолоду». И Сильвио из его «Дуэли», только будучи абсолютно уверенным в правоте своего дела, только будучи абсолютно убежденным в священнодействе мести как высшем долге чести, мог после шести лет томительного ожидания и каждодневных тренировок сподобиться на эффектный акт милосердия. И экипажам крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец» было разумней и цивилизованней сдаться японцам в плен, а не устраивать всю ту драматическую «катавасию» – мы же, в конце концов, европейцы, а не какие-нибудь азиаты с их кодексом «Бусидо» и харакири. И хотя говорят, что «мертвые сраму не имут», все же мне ближе мысль Бориса Акунина, вложенная им в уста Эраста Фандорина в романе «Любовники смерти»: «Есть лишь одна молитва для смелого человека: упаси меня, Господи, от смерти медленной, мучительной, унижительной».

В Древней Греции – на родине классических искусств, науки и философии, – так чтившей, кроме красоты и отваги, именно мудрость, в пантеоне олимпийских богов богиней правосудия и возмездия была неотразимая, несравненная Немезида. Она – никто иная как дочь могущественного и коварного Хроноса, младшего из сыновей Урана, не побоявшегося, в отличие от остальных его детей, поднять руку на своего отца, хитростью низвергнувшего его и отнявшего у него власть. Величавая и величественная, она представлялась со скипетром, мечом и плетью, больше похожей на кнут, в своих божественных десницах, торжественно выезжающей на бесподобной колеснице, запряженной грифонами. Не правда ли, было перед кем благоговеть, на кого возлагать надежды, у кого просить защиты, перед кем торопеть и кого ужасаться! Вот уж кто действительно не посмотрит ни на звания, ни на имена, ни на состояния! Демократична до предела: не мерит ни по расовым, ни по национальным, ни по половым, ни по политическим, ни по каким-либо иным признакам. Есть чему поучиться и смертным: речь идет не о допустимости или недопустимости мести, а о том, чтобы не ошибиться в ее адресате, и чтобы месть была соразмерна причиненному вреду.

Так уж случилось, что европейская цивилизация последние полтысячелетия упорно шла по просветительскому пути возвеличивания разума, что само по себе и неплохо, но вот что действительно плохо – за счет умаления чести. Этические нормы становились все более «гуттаперчевыми», а, соответственно, область приложения чести все более напоминала «шагреновую кожу». Разумом своим я, конечно же, понимаю, что так вроде бы логичней, целесообразней и цивилизованней, что нельзя позволять «плебсу» скатываться в самосуд, хаос и анархию, но на сердце отчего-то тяжело.